

УДК 82.091

Ненарокова М.Р.

МИХАЙЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2013

Аннотация. «Михайловские чтения. Теория и история литературы / культуры: Задачи и методы исследования» (11–12 декабря 2013 г.) – ежегодная международная конференция в память выдающегося российского филолога-германиста, музыковеда, культуролога Александра Викторовича Михайлова (1938 – 1995). В текущем году они были приурочены к 75-летию со дня рождения ученого. На конференции прозвучали доклады, посвященные осмыслению научного наследия А.В.Михайлова, аспектам мирового литературного процесса, ключевым словам науки о литературе, исследованию творчества европейских и русских писателей, истории литературных жанров.

Ключевые слова: Михайловские чтения, Александр Викторович Михайлов, мировой литературный процесс, ключевые слова науки о литературе, история литературных жанров.

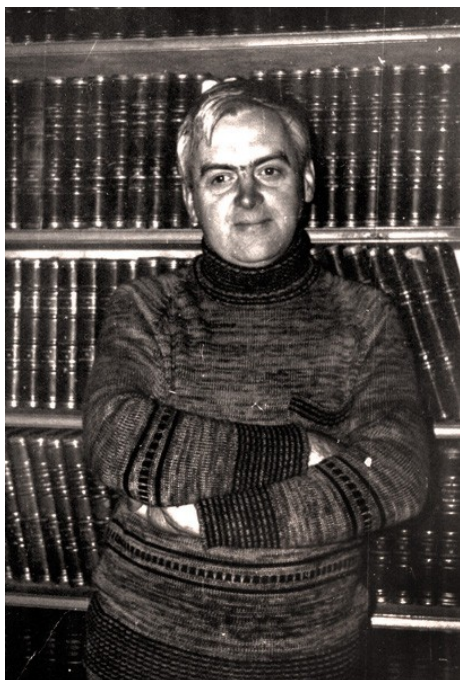
В Институте мировой литературы им. А.М.Горького РАН 11–12 декабря 2013 г. прошли «Михайловские чтения» – ежегодная международная конференция в память выдающегося российского филолога-германиста, музыковеда, культуролога А.В.Михайлова (1938 – 1995). В текущем году они были приурочены к 75-летию со дня рождения ученого и посвящены широкому кругу теоретико-литературных и историко-культурных проблем, составляющих концептуальное поле идей А.В.Михайлова в области теории литературы /культуры.

На конференции выступали литературоведы, писатели, музыковеды из Москвы, Новосибирска, Махачкалы; как известные исследователи, так и аспиранты.

Среди докладов первого дня конференции нужно упомянуть доклад Джульетты Леоновны Чавчанидзе (МГУ) «Литературный процесс на Западе в наблюдениях А.С.Пушкина (к вопросу о

границах литературных эпох)». В ее докладе рассматриваются наблюдения русского поэта над явлениями современной ему западноевропейской литературы и их комментариев, по сути предполагающий вывод о «скользящем» характере границ между тремя литературными эпохами: классицизма, романтизма и еще только очерчивающейся новой, означающей конец романтической.

В докладе Светланы Ильиничны Пискуновой (МГУ) «Репрезентация как эстетический принцип и сквозной сюжет творчества Сервантеса» тема рассматривается не только с опорой на

Александр Викторович Михайлов (1938 – 1995)

социокультурные и философско-эстетические трактовки термина «репрезентация» в гуманитарных исследованиях последних десятилетий (труды М.Фуко, Р.Шартье, К.Гинзбурга, В.Изера, Ж.-Л.Марена, М.Ямпольского и др.), но также и на исторически первичное представление о «репрезентации», как элементе государственного погребального ритуала, суть которого заключена в подмене искусственным двойником выставляемого на всеобщее обозрение тела скончавшегося монарха. В докладе «репрезентационный» план произведений Сервантеса рассматривается и на уровне сюжета (сонет «на катафалк Филиппа II в Севилье», похоронный ритуал как сюжетно-композиционное ядро пасторальных эпизодов «Дон Кихота»), и как эстетический принцип, во многом совпадающий с разрабатывавшейся А.В.Михайловым концепцией риторического типа культуры. Располагаясь на границе между идеальным и материальным, субъектом и

объектом, словами и вещами, которые она и разделяет, и объединяет между собой, репрезентация организует хаотический поток образов, порождаемых творческим воображением (см. описание рыцарских армий, которые Дон Кихот обнаруживает в облаках пыли, поднятых на ламанчской дороге стадами овец). Объединяясь с миметическим действием, репрезентационный дискурс превращается в репрезентацию как театральное действие, социальная роль которого в эпоху Барокко состояла в симулятивной организации дезинтегрированной социальной реальности (Х.А.Мараваль). В докладе также отмечается двойственность, как отличительная черта поэтики Сервантеса. Будучи теоретически приверженцем репрезентативной эстетики, Сервантес, подобно Гонгоре – автору бурлескных стихотворений, Кеведо – сатирику, Диего Уртадо де Мендосе – поэту и гипотетическому автору первой пискарески «Жизнь Ласарильо с Тормеса», используя традиции карнавального смеха и изысканной гуманистической иронии, шаг за шагом разрушает волшебство патетического и живописного репрезентативного искусства и одновременно, как Гонгора в «Одиночествах», творит его образцы.

Доклад музыковеда Даниила Рустамовича Петрова (Московская государственная консерватория им. П.И.Чайковского) «Стилевые процессы в музыке XIX века и как трактовал их А.В.Михайлов» был посвящен анализу работ Михайлова о музыке и музыкальной эстетике XIX века. По мнению докладчика, слово «междисциплинарность», применительно к работам Михайлова, не вполне точно соответствует научному методу ученого. Достояние разных искусств, равно как наследие философской и эстетической мысли (и, соответственно, проблематика разных гуманитарных наук) охватывалось у А.В.Михайлова одним герменевтическим кругом, в котором общее никогда не заслоняло и не размывало частное, его специфику, вызванную особой устроенностью языка, особыми возможностями, особыми закономерностями эволюции каждого из искусств. Оригинально разрешая некоторые весьма трудные вопросы музыковедения (например, соотношение развития музыкально-эстетической мысли и композиторской практики, трактовка позднего стиля Бетховена, общие процессы в музыкальном искусстве рубежа XIX и XX веков, скрытые за плюрализмом стилей), А.В.Михайлов прослеживал, как глубинная логика развития культуры действует в самом материале музыкального искусства. Однако, как отметил Д.Р.Петров, к музыке А.В.Михайлов обращался постоянно; даже если музыкальная тематика не часто оказывалась в центре его исследований, он широко вводил ее для подкрепления более общих положений. Таким образом, музыка оказалась сопряженной едва ли не со всеми разрабатывавшимися А.В.Михайловым проблемами истории и теории культуры.

Два доклада касались периода барокко, весьма интересовавшего А.В.Михайлова. В докладе Ольги Александровны Овчаренко (ИМЛИ) «А.В.Михайлов и его вклад в разработку теории барокко» были рассмотрены концепции барокко Г.Вельфлина, Э.Р.Курциуса, В.М.Пиреша де Агиара э Силвы и русских ученых — А.А.Морозова, А.М.Панченко, Л.А.Софроновой, Д.С.Лихачева. Русские ученые выдвинули принцип эмблематики как основы эстетики барокко, при этом А.В.Михайлов понимает ее как «инструмент мышления», связанный с «непрерывностью аллегорического толкования любых вещей и явлений». После смерти А.В.Михайлова его искания были продолжены Л.И.Сазоновой, которая пришла к выводу о символическом характере эмблемы в эстетике барокко. Никон Игоревич Ковалев (аспирант 1-ого года обучения ИМЛИ РАН, научный руководитель д.филол.н. И.Н.Лагутина) дебютировал на Михайловских чтениях с докладом «Концепция барокко у В.Беньямина и А.В.Михайлова (опыт сравнения)». Он рассмотрел два текста, ставившие своей целью постановку литературы барокко в широкий культурно-исторический контекст и оправдание феномена барокко с позиций самого барокко. По наблюдениям Н.И.Ковалева, два выдающихся литературоведа XX века — В.Беньямин и А.В.Михайлов — пишут свои работы «Происхождение немецкой барочной драмы» и

Ф. Х. Исрапова и Н. И. Ковалев

«Поэтика барокко: завершение риторической эпохи» как своеобразные апологии барокко. Исследователи исходят из разного материала (Беньямин рассматривает один жанр – барочную драму, Михайлов – произведение барокко как таковое) и разных концепций (Беньямин акцентирует роль средневекового религиозного сознания в формировании драмы, а Михайлов не выходит за пределы литературоведения, анализируя метафизику произведения самого по себе). Тем не менее, понимая барокко как «плотину поперек истории» (Михайлов), исследователи сходятся в восприятии барокко как эпохи, в которой античное, средневековое и ренессансное влияние сливаются в оригинальное синкретическое единство, расположившееся на границе между риторической эпохой и эпохой личного творчества, что обуславливает ее уникальное положение в истории литературы.

Многие докладчики знали А.В.Михайлова лично, более того, он принимал активное участие в их судьбе. Один из докладчиков, Анатолий Васильевич Королев (Литературный институт им. А.М.Горького, доклад «История одной дружбы»), рассказал своем знакомстве с А.В.Михайловым. О том, как Александр Викторович, который в 1989 г. был ответственным редактором ежегодника ИМЛИ «Контекст», принял к печати статью Королева об иллюстрациях Фаворского к «Маленьким трагедиям» Пушкина, тем самым открыв ему путь в филологию. По выражению А.В.Королева, «благодаря душевной широте Михайлова я практически с улицы попал в один из самых элитных научных сборников страны». Михайлов же предложил докладчику написать исследование о романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита». Книга, А.В.Михайловым одобренная еще в 1991 г. и посвященная его памяти, – «Обручение Света и Тьмы; о романе “Мастер и Маргарита” и Михаиле Булгакове» была напечатана по решению Ученого Совета в издательстве Литературного института в 2013 г.

В докладе Фариды Хабибовны Исраповой (Дагестанский государственный университет, г. Махачкала) «Выявление топоса» как определение события в прозаическом тексте (к вопросу о «междущарствии риторического слова»)), также прочтенном в первый день конференции, предпринимается попытка использовать в анализе прозаического текста такое понятие риторической культуры, как «общее место». В современной философской литературе «общее место» означает диалектическое соотношение понятий «топ» и «топос». Если «топ» – это штамп, клише, распространенное мнение, общее положение, то нахождение «топоса» означает само исследование. Смысл «топоса» концентрируется на границах явления, где осуществляется встреча с иным. «Выявление топоса» происходит на пересечении границ. Как отмечает исследовательница, в повести И.С.Тургенева «Первая любовь» «выявление топоса» как «подвижной границы» смысла осуществляется в рамках категории события, если «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» (Ю.М.Лотман). В плане сюжетного развития, событием в тексте повести является тайная связь отца и Зинаиды, развивающаяся «на пересечении границ», в сфере нарушения запрета. Для рассказчика же «первая любовь» не становится событием, потому что он ограничен «отведенным ему пространством» дома, сада, дачи, «неподвижен» и ограничен в мире своего сознания.

Нарратологический уровень анализа текста повести позволяет увидеть: событием здесь становится постоянное соотношение точек зрения рассказчика и читателя. Все рассказываемое будет определяться решением читателя при ответе на вопрос: «Обыкновенно это или нет?» Так понятая точка зрения читателя превращает текст повести Тургенева в неготовую, неустойчивую структуру и предстает, в конечном смысле, топосом как «подвижной границей».

Доклад Татьяны Александровны Алпатовой (Московский государственный областной университет) «Восприятие античности в повести Н.М.Карамзина «Афинская жизнь»: становление индивидуально-творческого типа художественного сознания» посвящен произведению, которое рассматривается в русле общих тенденций переосмысления античности в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв. Согласно докладчице, происходившие в ту пору изменения А.В.Михайлов обозначил как релятивизацию античного идеала, который перестает восприниматься в качестве неизменного и внутри себя цельного образца, становится живым, подвижным, осознается в своей исторической изменчивости и, как следствие, не отдаляется, а даже приближается к живо-восприимчивому художнику. Одной из наиболее значительных задач, стоявшей перед русской литературой и культурой конца XVIII – начала XIX вв., было оформление нового восприятия античности, которое вписывалось в общий контекст движения словесности от нормативно-риторического к индивидуально-авторскому типу художественного сознания, от классицизма к сентиментализму, предромантизму и романтизму. В основе этих новых форм, соответствовавших индивидуально-авторскому художественному мышлению, как и в основе классицистской литературы, античность по-прежнему занимала значительное, если не определяющее место – но это была уже иная античность, по-новому воспринимаемая и воспроизводимая. Именно на этом основании возникает феномен «русской античности», одним из примеров которого и стала анализируемая повесть Н.М.Карамзина. Она вписывалась в ряд произведений писателя, созданных после пережитого им в 1793 г. душевного потрясения («Остров Борнгольм», «Сиерра Морена», «Филалет и Мелодору», «Мелодор к Филалету», «Цветок на гроб моего Агатона» и др.). Афинская жизнь по Карамзину – это не только «потерянный рай» древнегреческой культуры, но и бесконечно желанный образец общественного согласия и душевной уравновешенности людей, утопия всеобщего счастья. Античный колорит здесь оформляет характерный для романтизма принцип двоемирия; писатель воспринимает античность как недостижимый идеал, ищет в прошедших временах философские идеи, необходимые для духовной жизни современного человека. В качестве источника повести Карамзина анализируется роман Ж.-Ж.Бартелеми «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции...»; выявляются художественные приемы, с помощью которых создавался эмоционально окрашенный образ прошлого в повести.

Татьяна Александровна Касаткина (ИМЛИ РАН) выступила с докладом «Брак через границу: “порнографическая” поэма М.Ю.Лермонтова “Уланша” в свете “Морской царевны”». Как считает исследовательница, брак через границу – вернее, несостоявшийся и неосуществимый брак через границу, как путь личностной интеграции и трансгрессии – постоянная тема произведений зрелого

Лермонтова. Брак через границу, его возможность, запускается способностью увидеть в половом партнере превосходящее его существо, «богиню». Эта способность потенциально свойственна хоть на миг даже самым прозаическим впоследствии отношениям, если это все-таки отношения, но, оказывается, можно уничтожить самую возможность отношений с брачным партнером, и в «Уланше» мы видим, каким образом это достижимо. В «Уланше» осуществляется интеграция иного уровня – полк как личность. Интеграция по типу инициаций мужских союзов. То есть в «Уланше» брак заключается не с женщиной, а посредством нее (как бы против нее!), между членами мужского союза. И это как-то делает мужчину тотально одиноким за пределами такого союза, неспособным к соединению ни с землей и ее стихиями, ни с женщиной, ни с Богом – все они становятся отныне лишь тем, посредством чего можно (или нельзя) самоутвердиться (что и неизбежно, и очевидно, ибо инициация – всего лишь начало нового модуса существования, закладывающая его базовые принципы). Отсюда вырастает предельный – и мучительный – индивидуализм Лермонтова (и типа творчества, и типа личности – впрочем, в творчестве преодолеваемый осознанием убийственности такого модуса существования).

По давно установившейся традиции первый день конференции завершился небольшим концертом. Студенты и магистранты МГИМ им. А.Г.Шнитке, лауреаты международных конкурсов Дария Надъярных-Ястржембская (фортепиано), Алла Курдюмова (виолончель), Анжелика Минасова (сопрано), Алексей Трофимов (баритон) исполняли произведения Бетховена, Барбера, Бриттена, Полторацкого, Шнитке, Рахманинова, Гаврилина.

М.Ф.Надъярных и Ю.Б.Орлицкий

Второй день конференции начался докладом Юрия Борисовича Орлицкого (РГГУ) «Свободный стих в России: история понятия и история явления», в котором была представлена история русского свободного стиха (верлибра). По мнению докладчика, первые образцы такого стиха появились в русской словесности задолго до появления соответствующего понятия, причем возникали они спонтанно в основном вне

пределы собственно книжной светской поэзии: в переводах и подражаниях духовной поэзии, в записях фольклорных произведений, в оперных либретто, в эпитафиях и надписях и т.п. С другой стороны, свободным стихом с начала XX века именуют самые разнообразные по ритмической природе отклонения от традиционной рифмованной силлаботоники (в т.ч. и так называемый «стих Маяковского»); со временем, однако, для большинства из них находят более точные определения и место в номенклатуре систем отечественного стихосложения. Таким образом, явление и понятие о нем движутся во времени навстречу друг другу, что и объясняет достаточно сложную и противоречивую историю русского свободного стиха.

В докладе Натальи Олеговны Ласкиной (Новосибирский государственный педагогический университет) «Конструирование истории литературы в литературном поле Франции рубежа XIX и XX веков» раскрывалась тема национального литературного канона во французской литературе и к концепциям истории литературы, направленным на его закрепление или переосмысление. Центральной для этого периода, по мнению исследовательницы, стала дискуссия о романе, и именно жанровая рефлексия обнажала наиболее проблемные для авторов и читателей зоны восприятия литературной истории. Помимо прояснения культурного контекста этого времени, анализ таких дискуссий позволял понять, какие и в какой мере современные научные модели истории литературы могут быть связаны с наследием отдельных культурных периодов. В докладе были рассмотрены фрагменты литературной рефлексии нескольких сильных романистов эпохи – А.Франса, П.Бурже, М.Барреса. Особая роль в исследуемом процессе принадлежала Марселю Прусту, использовавшему неопределенность собственного статуса в литературном поле для воплощения своей версии истории литературы, независимой от академических или журналистских стандартов и ориентированной на модернистское восприятие истории.

Концепт «ключевые слова» науки, разработанный А.В.Михайловым, призван описать понятия научного языка, которые не принадлежат к специальной терминологии, но используются в сходном значении в быденном языке. Одному из таких «ключевых слов» был посвящен доклад Ирины Львовны Поповой (ИМЛИ РАН) «Ключевое слово “классика”». Это слово применяется не только к литературе и даже не только к языку, но охватывает самые разные сферы человеческой деятельности: литературоведение и искусствоведение, социологию и моду, рекламу и маркетинг. Чтобы понять судьбу слова «классика», полезно проследить его историю. В докладе И.Л.Поповой было проанализировано происхождение и история понятий «классика» и «классический писатель» («классик») в европейской традиции, древней и новой, а также история их усвоения русским языком и русской культурой, словарная кодификация и узуальная практика. Классика рассматривалась в тесной связи с понятием «канон» как инструмент сохранения и передачи традиции; значение классики исследовалось в двух аспектах: роль классики в регламентации литературной практики и построении литературной истории (классика как шедевры и как норма, «золотая середина») и ее значение для образования (классика как литература для школы, образцы для обучения языку и письму).

В отдельном блоке докладов затрагивалась проблема жанра, его бытования, изменений, характерных признаков. Мария Равильевна Ненарокова (ИМЛИ РАН, доклад «К вопросу о признаках жанров средневековой латинской религиозной поэзии») рассказала о предварительных результатах исследования средневековой латинской литургической поэзии и о признаках, по которым один жанр можно отличить от другого. На основе анализа текстов исследовательница, приходит к выводу, что можно сформулировать следующие признаки: тематика с набором топосов; место в богослужении; внешняя организация текста – диалог или монолог; метрическая организация – стих или проза; мелодия; риторические средства. Благодаря этим признакам в

корпусе латинских церковных песнопений Средневековья выделяются такие жанры, как гимны, антифоны, респонсории, секвенции, тропы.

Развивая в своем докладе «Драматический фрагмент в контексте стилевых исканий эпохи романтизма» наблюдения А.В.Михайлова над творчеством Л.Тика, Татьяна Алексеевна Зотова (ИМЛИ РАН) обратилась к проблеме драматического фрагмента в эстетической системе романтизма. В основе ее доклада лежит идея, что безусловной эстетической формой, напрямую связанной как с фрагментарностью поэтического мышления романтиков, так и с их ироническим восприятием мира, является литературный фрагмент, таящий в себе принципиальную невысказанность абсолютных законов бытия. Применительно к драматургии это означает, что драма стремится достичь бесконечной выразительности и глубины содержания и одновременно несёт в себе ауторефлексивную функцию. Результатом подобных воззрений, взятых в комплексе, явилось рождение таких специфических жанров, как романтическая комедия, мистериальная драма и драматический фрагмент, воплощающих разные подходы к выражению целостности мира, отражающих одновременно и его гармоничное единство, и бесконечную раздробленность.

Жизнь жанра, долгое время существовавшего в пределах одной замкнутой культуры, а именно: японской хайку, – а в XX в. перенесенного на чуждую ему почву, в Латинскую Америку, и проблемы его адаптации были подняты в докладе Марии Федоровны Надъярных «Жизнь “жанра”» (ИМЛИ РАН). По наблюдениям исследовательницы, история хайку в Латинской Америке начинается в 1910-е гг., в период перехода от полистилистических поэтик рубежа XIX-XX вв. (в испаноамериканской литературе объединенных идеей «модернизма») к экспериментальным поэтикам авангарда, вписываясь позднее в общую логику развития т.н. «новой латиноамериканской литературы» второй половины XX века. Приобщение латиноамериканских литераторов к смыслам и жанрам японской словесности – это незавершенный диалектический процесс, совмещающий освоение инокультурного художественного опыта с узнаванием своей культурной идентичности сквозь призму «иного», воспринимаемого в его «инаковой» аутентичной ценности. Но жанр – это особое диалогическое событие, соотносимое как с определенной художественной традицией, так и с традицией культовой и собственно жизненной, бытовой. Хайку немислим вне японской традиции, вне японского пространства и времени, вне японского ощущения круговорота «сезонов», вне японского понимания авторства, авторитетности и коллективности. Такая традиция выпадает из логик культурного трансфера. Основанный на дополнительности двух типов понимания, выражаемых на иберийских языках глаголами *entender* и *comprender/comprender*, «путь хайку» в Латинской Америке – это «изобретение» традиции и «изобретение» жанра (во всем богатстве смыслов испанского *invención* и португальского *invenção*). Разумно-чувственное воспроизведение смысловой и образной протяженности жанра подразумевает не только континуум создания произведения, но континуум его восприятия. Жизнь латиноамериканского хайку не может, таким образом, не соотноситься с развитием новой традиции чтения, как и с развитием нового группового художественного творческого сознания. При этом необходимо иметь в виду, что иберийская жанровая традиция воспринимается в

Латинской Америке как сфера «своего-чужого», но в контексте первичного осмысления жанра хайку эта сфера как бы «осваивается» заново, при этом не только заново проявляются ценностные смыслы отдельных жанров, но рекомбинируется система жанровых взаимосвязей. Особую роль играет и фактор процессуальной переходности: вхождение хайку в систему латиноамериканской словесности совпадает с общей перестройкой ценностных ориентиров в контексте становления поэтик авангарда, в контексте ценностной переоценки фольклорных источников и т.д. Для восприятия хайку принципиально важны и общие ритмы латиноамериканской взаимосвязи природного и культурного, телесного и духовного. Латиноамериканская открытость природным смыслам открывает возможность для глубинного «схватывания» жанровой сути, для приятия целостности жанра хайку в его особых отношениях с миром природы.

В докладе Светланы Юрьевны Корниенко (ИМЛИ РАН) «Литературный дебют: историко- и теоретико-литературный аспекты интерпретации (на материале творчества М.Цветаевой)» были проанализированы соотношения индивидуального стиля дебютанта и конвенций, диктуемых доминирующим литературным направлением. Внутрисимволистская интерпретация литературной ситуации 1909-10-гг. как периода, с одной стороны – кризиса символизма (младосимволисты, критический отдел журнала «Золотое руно»), с другой – «победы символизма» (старшие символисты, журнал «Весы») – диктовали условия для поэтического дебютанта. Институциональное преобразование старших современников в «живых классиков», отказ символистов от поэтической монополии и прочие условия историко-культурного момента определяли литературную политику юной М.Цветаевой, выбиравшей стратегию самоопределения через объявление «войны поэтическим отцам» (Цветаева – Брюсов), поэтической «беспартийности» (отношение к кружкам и доминирующим стилям), преодоление «страха» стилистического «влияния» (Цветаева и неоромантизм). Докладчицей были проанализированы символистская и постсимволистская критика (журналы «Золотое руно», «Весы», «Аполлон»), ранняя лирика, критическая проза, мемуаристика М.Цветаевой; филологическая проблема взаимоотношения индивидуальной поэтики и канона (труды формалистов, Х.Блума и др.).

Евгения Викторовна Иванова (ИМЛИ РАН) в докладе «А.В.Михайлов и о. Павел Флоренский» рассказала о роли А.В.Михайлова в организации и проведении Чтений памяти о Павла Флоренского, которые проходили в ИМЛИ в 1990-1993 г. По материалам Чтений был подготовлен сборник статей, но поскольку издать его тогда не удалось, статьи были возвращены авторам. Неопубликованной осталась и статья А.В.Михайлова «о. Павел Флоренский как философ границы. К выходу в свет критического издания “Иконостаса”», над которой он работал в последние годы жизни. Из многообразия проблем, затронутых в этой статье, Е.В.Иванова подробно остановилась на повторяющейся в целом ряде поздних статей А.В.Михайлова мысли о тех смысловых потерях, которые происходят при издании произведений классических писателей по новой орфографии; этот подход в статье об о. Павле Флоренском Михайлов назвал «отказом от незыблемых научных принципов» и «процедурами упрощения».

Л.И.Сазонова

Конференцию завершил доклад Лидии Ивановны Сазоновой (ИМЛИ РАН) «А.В.Михайлов и современный мир: “строить, жить, мыслить”», посвященный осмыслению представлений А.В.Михайлова о том, что гуманитарная наука – не замкнутая в себе система, но связанная с живой жизнью. С этими представлениями тесно связана внутренняя философия ученого, стоящая за его идеями, теориями, концепциями. А.В.Михайлов не был сугубо кабинетным ученым. Все его работы противостоят взгляду на гуманитарную науку как на предмет, представляющий сугубо академический, отвлеченный интерес, никого в сущности не затрагивающий. Связь гуманитарной науки с жизнью он подтверждает, в частности, рассуждениями о языке науки – это не какой-то особый, герметичный язык: «Литературоведческие понятия очень часто выводят исследователя за рамки собственно литературы и обращают его к самой жизни». Язык науки пополняется и обогащается словами из общеупотребительного языка («Диалектика литературной эпохи», 1982). Живую связь гуманитарной науки с самой жизнью Михайлов подтверждал и активной творческой позицией. Своей интенсивной переводческой деятельностью он соединял разные культурные пространства, выполняя важную культуртрегерскую работу, переводил и вводил в горизонт читателя теоретико-литературные и философские труды крупнейших мыслителей XX века (Э.Ауэрбах, М.Хайдеггер, Г.Гадамер, Т.Адорно и др.), глубоко осознавая, что их отсутствие «обедняет общее историко-культурное сознание». Ученый принимал участие во всех крупных и особо значимых научно-издательских проектах 1960- начала 1990-х гг. Интересом к вопросу о роли и месте гуманитарной науки в современном мире определялась его позиция как редактора ежегодника «Контекст», в котором он представил в 1992 г. глубоко созвучные его строю мысли и близкие по способу философствования работы современного философа – профессора Вольфганга Ширмахера (1944), посвященные животрепещущим проблемам современного мира: «Этические выводы из философии природы Мартина Хайдеггера» и «Искусство в технический век». Этим статьям Михайлов предпослал вступление с размышлением о науке и искусстве в наше время: тема этих работ, пишет он, – «сам современный мир, способы его осмысления и, главное, мысль о возможности осмыслить его так, чтобы человечество могло выжить в нем». Один из предметов, обсуждаемых в данной публикации, – доклад Хайдеггера «Строить, жить, мыслить». Речь не идет только о градостроительстве. Разговор переходит в область этики. Привлекая аргументы из истории языка, философ обосновывает идею о том, что строить – то же самое, что жить, проживать, жительствовать, в отличие от распространенного представления, согласно которому «проживать и строить» – это два различных рода деятельности, находящиеся между собою в отношении цели и средства, «само собой стало разуметься мнение, и не по праву, что строить значит возводить и со-ставлять и ничего более». Мысль о том, что понятия строить и жить суть единство, что строить означает то же, что жить, звучит сегодня остро актуально, поскольку в современном мире понятие строить подчас противоречит понятию жить. В наше время, когда

реформами затронуты многие стороны жизни – экономика, наука, культура – формула «строить, жить, мыслить» отвечает поискам позитивного смысла.

Во время заключительной дискуссии были подведены итоги работы конференции и объявлена тема следующих Михайловских чтений (10–11 декабря 2014) – «А.В.Михайлов как теоретик литературы/культуры», связанная с необходимостью осмыслить научное наследие ученого, открыть А.В.Михайлова как крупнейшего теоретика культуры более широкой гуманитарной аудитории.

© Ненарокова М.Р., 2013.

© Ненарокова М.Р., фото.

Статья поступила в редакцию 18 декабря 2013 г.

Ненарокова Мария Равильевна,

доктор филологических наук,

старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН (Москва),

e-mail: maria.nenarokova@yandex.ru

UDC 82.091

Nenarokova M.

THE MIKHAYLOV INTERNATIONAL ANNUAL CONFERENCE, 2013

Abstract. The Mikhaylov International Annual Conference (December, 11–12, 2013) is held in memory of Alexander Mikhaylov (1938—1995), a prominent Russian philologist, a Germanist, musicologist, culturologist. The main topic of the 2013 conference was “Theory and History of the Literature/ Culture: Aims and Methods of their Research”. This year the conference was dated for A.Mikhaylov’s 75th anniversary. The topics of the reports, held at the conference, are Mikhailov’s scientific heritage, the aspects of the world literary process, the key words of the study of literature, the research of the works of the Russian and European writers, the history of literary genres.

Key words: Mikhaylov International Annual Conference, Alexander Mikhaylov, the world literary process, the key words of the study of literature, the history of literary genres

Nenarokova Maria Raviljevna,

Dr. in Philology,

Senior Researcher, A.M.Gorky Institute of World Literature (Moscow).

e-mail: maria.nenarokova@yandex.ru